

СЕПИР Э. ЯЗЫК И СРЕДА// Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993, с. 270-284.

В настоящее время наблюдается отчетливая тенденция объяснять многие явления человеческой цивилизации как результат воздействия окружающей среды, в которой эта цивилизация существует. Есть да же и совершенно крайняя точка зрения, сводящая все проявления человеческой жизни или мысли к влиянию среды. Я не имею намерения отстаивать или оспаривать положение о том, что явления окружающей среды в значительной мере воздействуют на характер культуры, так же как не собираюсь рассматривать вопрос о том, в какой степени влияние среды нарушается теми или иными факторами.

Мне представляется, однако, что думать, будто бы любая особенность человеческой культуры может быть сведена к тому или иному физическому фактору окружающей среды, означает основываться на заведомо ложной посылке. Строго говоря, среда может непосредственно воздействовать лишь на индивида, а в тех случаях, когда мы имеем дело с той или иной чертой общественной культуры, обусловленной исключительно средой, мы должны интерпретировать эту черту как результат суммирования влияний факторов среды на отдельных представителей данного общества. Такую форму воздействия среды на социальные группы нельзя, однако, назвать самой обычной. Достаточно, чтобы в этих группах каждый отдельно взятый индивид имел возможность непосредственно реагировать на свое окружение и увлекать за собой остальных членов группы, чтобы они, осознанно или неосознанно, разделили с ним то воздействие, которому он подвергся.

Вообще говоря, сомнительно, возможно ли воздействие на отдельно взятого человека факторов окружающей среды в чистом виде, не осложненных какими-либо факторами иного рода; однако допустим, что это так.

Важно, что в реальном обществе даже самое элементарное явление среды либо подкрепляется, либо трансформируется социальными факторами. Следовательно, любую попытку рассмотреть какой бы то

*Language and environment. - <American Anthropologist>, n.s., 1912, М< 14, pp. 226-242. Прочитано на заседании Американской антропологической ассоциации. Вашингтон, округ Колумбия, 28 декабря 1911 г.

270

ни было элемент культуры как обусловленный исключительно воздействием окружающей среды нужно считать заблуждением. Однако и сами социальные факторы, которые видоизменяют характер воздействия внешней среды в узком смысле слова, также можно

считать явлениями среды, поскольку тот или иной индивид находится в окружении социальных факторов и соответственно на них реагирует.

С другой стороны, социальные факторы можно метафорически сравнить с явлением наследственности, поскольку они тоже передаются от поколения к поколению. То, что эти традиционные социальные факторы и сами подвергаются изменениям, в частности, под воздействием среды, свидетельствует о сложности проблем происхождения и истории культуры. В целом, лучше всего пользоваться термином <среда> только по отношению к таким видам воздействия (главным образом, физического характера), которые не зависят от воли человека. Но говоря о языке, понимаемом как система символов, отражающих явления и физического, и социального окружения, в которое помещена данная группа людей, было бы удобно включать в понятие среды как физические, так и социальные факторы. В понятие физической среды входят географические особенности, например, топография страны (побережье, долина, равнина, плоскогорье или горная местность), климат, количество осадков и то, что может быть названо хозяйственной основой жизни людей - флора, фауна, минеральные ресурсы. Понятие социальной среды включает в себя разнообразные общественные факторы, которые формируют образ жизни и мышления каждого отдельного индивида. Среди наиболее важных социальных факторов - религия, мораль, формы политической организации общества и искусство.

В соответствии с принимаемой нами классификацией действующих факторов окружающей среды можно ожидать, что в языке должны быть отражены оба набора этих факторов, - если допустить, что язык подвергается материальному воздействию факторов, связанных с условиями существования его носителей. Точнее говоря, физическая среда отражается в языке, конечно, только через среду социальную. Так, например, простого факта существования какого-либо вида животных в физическом окружении того или иного народа недостаточно для возникновения обозначающего это животное языкового символа. Для этого нужно, чтобы члены данной общности хорошо знали это животное и чтобы они испытывали к нему хоть некоторый интерес. Иначе говоря, в том, что касается языка, любое воздействие окружающей среды в конечном счете сводится к влиянию среды социальной. И все же представляется полезным разграничивать такие социальные факторы, которые более или менее явно восходят к факторам физической среды, и такие, которые очевидным образом с воздействием физической среды не связаны. Подвергаться воздействию в языке может либо его значимая сторона - содержание (т.е. словарь), либо фонетическая система (т.е. система звуков, использующихся для построения слов), либо, наконец, его грамматическая

форма (т.е. формальные процессы и логические или психологические классификации, используемые в речи). Два основных вида грамматической формы - это морфология, или формальная структура слов, и синтаксис, или способы объединения слов в большие единицы и предложения.

Наиболее отчетливо отражается физическая и социальная среда в словарном составе языка. Полный словарь того или иного языка не без оснований можно рассматривать как комплексный инвентарь всех идей, интересов и занятий, привлекающих внимание данного общества; окажись в нашем распоряжении такой полный тезаурус языка какого-либо племени, мы могли бы составить себе достаточно точное представление о физической среде и основных особенностях культуры людей, говорящих на этом языке. Не так уж трудно привести примеры языков, словарь которых несет на себе печать той физической среды, в которой существуют его носители. В наибольшей мере это относится к языкам примитивных народов, так как их культура не достигла еще такой степени сложности, чтобы интегрировать в себе практически все человеческие интересы. С этой точки зрения языки примитивных народов оказываются сопоставимыми с языками некоторых особых подгрупп в составе более цивилизованных народов.

Типичный словарь племени американского побережья, такой, например, как словарь индейцев нутка с его точными обозначениями для множества видов морских животных, позвоночных и беспозвоночных, можно сравнить со словарем языка рыболовов-басков, живущих на юго-западе Франции и на севере Испании. По контрасту с языками таких <прибрежных> народов можно отметить языки жителей пустынных плато, например южных пайутов в Аризоне, Неваде и Юте.

В словарях этих народов мы находим обозначения многочисленных географических особенностей, которые в некоторых случаях кажутся слишком детальными для того, чтобы иметь практическое значение.

Вот некоторые из известных нам топографических терминов: водораздел; риф; песчаная равнина; полукруглая долина; круглая долина или лощина; часть горной равнины, ограниченная хребтами; безлесная ровная долина, окруженная горами; равнина; пустыня; хребет; плато; безводный каньон; каньон с небольшой речкой; старое русло реки; узкое глубокое ущелье; склон горы или каньона, освещаемый солнцем; неосвещаемый солнцем склон горы или каньона; холмистая местность, пересеченная несколькими хребтами, - и множество подобных.

Важно отметить, что в сильно специализированных словарях нутка и южных пайутов отражаются не сами по себе фауна или особенности рельефа, а именно заинтересованность людей в этих свойствах среды их обитания. Если бы нутка добывали

себе пищу, охотясь на суше или разводя овощи, то, без сомнения, их словарь не был бы в такой степени насыщен <морскими> терминами, несмотря на их жизнь вблизи моря. Столь же очевидно, что насыщенность языка пайутов топографическими терминами, которые были перечислены выше, обусловлена тем, что такая подробность обозначений просто необходима

272

для жителей этой негостеприимной полубезводной местности, где нужно очень точно описывать, например, местоположение любого родника, а в ряде случаев это возможно лишь через указание на особенности рельефа. На прямо противоположном примере английского языка можно еще нагляднее показать, что заинтересованность носителей языка в особенностях окружающей среды в значительно большей степени, нежели само наличие этих особенностей, предопределяет словарный состав языка. Тот, кто не занимается ботаникой и не интересуется народной медициной или другими проблемами, связанными с ботаникой, вряд ли будет в состоянии назвать бесчисленные виды растений, составляющие его окружение, как-нибудь иначе, чем просто <сорняк>. В то же время в языках некоторых индейских племен, пропитание которых в значительной степени составляют корни и семена диких растений и тому подобные <овощи>, могут быть представлены весьма точные обозначения для каждого из этих неразличимых с нашей точки зрения сорняков. Часто даже используются различные названия для разных состояний одного и того же вида растений - в зависимости от того, сырое оно или как-то приготовлено, в зависимости от его цвета или от степени его созревания.

Специализированные словари такого рода, имеющие отдельные слова для обозначения понятий *asogn* 'желудь' или *самасс* 'квассия', распространены среди индейцев Калифорнии и Орегона. Еще один поучительный пример того, в какой степени состав словаря предопределяется интересом людей к тем или иным реалиям, представляют собой обозначения луны и солнца в некоторых из индейских языков.

В то время как мы считаем необходимым разграничивать эти понятия, немало индейских племен вполне довольствуются одним словом для их обозначения, а точная референция возможна лишь через контекст.

И если мы попытаемся выразить недовольство тем, что такое неопределенное обозначение будто бы не отражает естественного природного различия, индеец вполне может ответить нам тем же, указав на столь же собирательный характер нашего слова <сорняк> по сравнению с его собственным очень точным <растительным> словарем. Все, разумеется, зависит от точки зрения, предопределяемой интересом.

Если не забывать об этом, то становится очевидным, что наличие или отсутствие общего обозначения для какой-то группы понятий в значительной мере связано с тем, имеется ли у людей интерес к соответствующим явлениям окружающей среды. Чем более необходимым представляется носителям данной культуры проводить разграничение в пределах данного круга явлений, тем менее вероятно существование в их языке общего для них понятия. И наоборот, чем меньшее значение имеют некоторые элементы среды для данной культуры, тем больше вероятность того, что все они покрываются единственным словом общего характера. Все это рассуждение можно резюмировать - если пример может выступать как резюме, - отметив, что для неспециалиста любое живое существо, которое не является ни человеком, ни четвероногим, ни рыбой и ни птицей, - это жук

273

или червь, и наоборот, слово <млекопитающее> и соответствующее этому слову понятие будут ему почти непонятными.

Существует очевидное различие между словами, которые являются просто словами и не способны к дальнейшему членению, и такими словами, которые, без сомнения, являются с формальной точки зрения вторичными и поддаются членению даже при поверхностном их рассмотрении. Lion 'лев' - - это лев, и только, но mountain-lion 'пума, пантера' означает нечто большее, чем только соответствующее животное. Там, где для обозначения простого понятия используется прозрачный описательный термин, чаще всего оказывается, что представление о данном явлении среды появилось относительно недавно или, во всяком случае, относительно недавно появилось само слово.

Разрушительное воздействие фонетических изменений в конце концов превращает описательные по своей природе названия в чистые ярлыки, простые нечленимые слова. Я останавливаюсь здесь на этой проблеме, ибо по тому, имеют ли лексические единицы прозрачный или непрозрачный характер, можно, с известными оговорками, судить о времени появления соответствующих понятий в языке. Если люди употребляют слово lion, то это значит, что данное животное известно им уже на протяжении многих поколений; использование же слова mountain-lion (букв. горный лев), означает что они узнали о таком звере только вчера. Еще яснее эту мысль можно проиллюстрировать на примере географических названий. Только тот, кто знаком с историей языка, может увидеть, что за словами Essex 'Эссекс', Norfolk 'Норфолк' и Sutton 'Саттон' на самом деле скрываются East Saxon 'Восточная Англия', North Folk 'Северный народ' и South Town 'Южный город'; для непрофессионала же эти названия членимы не в большей степени, чем слова butter 'масло' и cheese 'сыр'. Совершенно очевидно, что существует огромная

разница между территориями, которые в течение длительного времени населены исторически гомогенными группами людей и которые изобилуют совершенно неясными с точки зрения этимологии названиями, и недавно заселенными территориями с такими названиями, как Newtown 'Новый город', Wildwood 'Дикий лес' и Mill Creek 'Мельничный ручей'. Конечно, многое зависит и от грамматической системы самого языка; так, языки американских индейцев с их довольно высокой степенью синтетичности в меньшей мере, чем, например, английский, склонны утрачивать системную структуру своих терминов.

Итак, мы убедились в том, что тщательное изучение словаря позволяет сделать некоторые выводы о физической и социальной среде обитания тех, кто этот словарь использует; более того, исследуя степень прозрачности самих слов, можно понять, насколько существенными являются те или иные элементы среды для носителей данного языка. Некоторые индоевропейцы, в частности, Шредер, пытались на основании изучения словарей родственных языков сделать и более далеко идущие выводы. Они отбирали слова, употреблявшиеся во всех или хотя бы в некоторых из родственных языков,' и на этой

274

основе пытались получить представление о словаре гипотетического языка-основы, а следовательно, и о круге понятий, которыми пользовались носители этого реконструируемого языка. Здесь мы имеем дело с некоторым подобием лингвистической археологии. Несомненно, что многие индоевропейцы зашли, в общем-то, слишком далеко, пытаясь реконструировать культуру на основании данных сравнительно-исторического исследования языков, но полученные ими результаты не следует полностью отвергать, хотя мы и знаем теперь, что многие слова могут долго сохраняться в языке уже и после утраты своего первоначального значения. К сожалению, на основании сопоставления столь далеко разошедшихся друг от друга языков и, следовательно, очень далеко отстоящего от нас во времени их реконструируемого прототипа можно получить лишь весьма незначительный объем сведений о наиболее интересных для нас аспектах культуры.

Мы не нуждаемся в обширных сопоставительных исследованиях, чтобы поверить в то, что давным-давно у людей были руки и родители, хотя нам было бы очень интересно узнать, имели ли эти люди представление, например, о соли. Конечно, при этом нужно постоянно помнить, что в истории языков мы очень часто имеем дело с вторичными заимствованиями. Тем не менее, в общем случае адекватные представления о фонетике и морфологии изучаемого языка позволяют серьезному ученому отличить исконную форму от заимствованной. В Америке в области сопоставительной лингвистики до сих пор

сделано недостаточно, чтобы можно было говорить о каких-то осязаемых результатах, позволяющих найти решения тех или иных проблем истории культуры, но все же не может быть никаких сомнений в том, что при условии более интенсивных исследований в этом направлении такие результаты не заставят себя ждать. Несомненно и то, что тщательное исследование с этой точки зрения алгонкинских, сиу и атабаскских языков в конечном итоге принесет немало интересного. Для иллюстрации приведу только один взятый наугад пример: такие формы, как *oso-tl 'Pinus tenuifolia'* в языке науа и *o-yo-tr'^ 'ель'* в южном пайуге указывают на юто-ацтекскую основу *oko-*, обозначающую некий вид сосны или ели.

Если в словаре находят свое отражение основные элементы физической среды, то в еще большей степени это относится к элементам среды социальной. Значительная часть - если не большинство - элементов, составляющих физическую среду, повсеместно распределяется во времени и в пространстве, так что существуют естественные рамки, ограничивающие вариативность лексических единиц, поскольку они служат для выражения понятий, отражающих физический мир. Культура же может развиваться в любом направлении и достигать любой степени сложности. Поэтому мы не должны удивляться тому, что словари разных народов, сильно отличающихся по характеру и уровню развития культуры, отражают эти значительные различия. Отличия между богатыми, содержащими разветвленные понятия, словарями таких языков, как английский или французский, с

275

одной стороны, и языками примитивных народов, с другой, действительно существуют, и обусловлены они в значительной степени тем, что имеется и существенная разница между очень сложной и сильно специализированной культурой франко- и англоговорящих народов Европы и Америки и относительно простой и недифференцированной культурой примитивных народов. Подобное многообразие словарей, отражающих социальную среду, существует во времени так же, как и в пространстве, то есть система понятий, отражающих состояние культуры, а следовательно, и соответствующий лексикон, постоянно обогащаются и усложняются одновременно с процессом развития культуры данного общества. То, что словарь в значительной степени должен отражать уровень развития культуры, становится, таким образом, практически само собой разумеющимся, так как словарь, содержательная сторона языка, всегда выступает в виде набора символов, отражающих культурный фон данного общества. Если под сложностью языка понимается тот круг разных интересов, который отражается в словаре, то становится очевидным и факт наличия постоянной корреляции между степенью сложности языка и культуры.

Если же под сложностью языка понимать, в соответствии с традицией, уровень развития его морфологической или синтаксической системы, то подобной связи, конечно же, не существует. В действительности можно даже привести свидетельства в пользу существования противоположной корреляции и утверждать, что имеется тенденция к упрощению морфологической системы языка в результате усложнения культуры. Примеры такого рода столь многочисленны, что приводить их нет необходимости, по крайней мере, здесь. Единственное, что заслуживает упоминания сейчас, - это тот факт, что история английского и французского языков свидетельствует о постоянном упрощении грамматической структуры, начиная с первых зафиксированных образцов и до наших дней. С другой стороны, вовсе не следует и переоценивать эту тенденцию. Существование целого ряда довольно простых языковых систем среди примитивных народов опровергает представление о строгом соответствии между уровнем развития или формой культуры и формальной организацией языка.

Существует ли еще какой-нибудь элемент структуры языка, кроме его содержательной стороны - словаря, в котором можно было бы обнаружить связь с физической или социальной средой существования носителей этого языка? Иногда утверждают, что от физической среды в той или иной степени зависит общий характер фонетической системы, так что языки тех людей, которые живут в горах или в других условиях, осложняющих борьбу за существование, вырабатывают режущие слух формы речи, в то время как у народов, которым природа благоприятствует, фонетические системы бывают очень приятными на слух. Подобные теории столь же легко опровергнуть, сколь правдоподобными они кажутся. Нет, конечно, сомнений в том, что совсем не трудно привести множество примеров режущих слух фонетических систем в языках горцев (таковы, на-

276

пример, фонетические особенности кавказских языков); столь же легко найти примеры акустически очень приятных форм речи среди народов, живущих в благоприятнейших физических условиях. Однако отнюдь не труднее указать и на прямо противоположные случаи. Так, аборигены северо-западного побережья Америки без особого труда находят себе пропитание в стране, изобилующей многочисленными формами съедобных морских животных; нельзя также сказать, что они живут в слишком суровых климатических условиях, однако по степени <фонетической резкости> язык их вполне может соперничать с кавказскими языками. С другой стороны, наверное, ни один из народов не живет в более трудных физических условиях, чем эскимосы, а при этом фонетическая система их языка не только производит впечатление довольно приятное по сравнению с

языками жителей северо-западного побережья, но и, пожалуй, превосходит в этом отношении языки американских индейцев в целом.

Конечно же, имеется немало случаев, когда языки с похожими фонетическими системами распространены на непрерывной территории с практически одинаковыми физическими условиями, хотя во всех этих случаях можно легко показать, что мы имеем дело не с непосредственным воздействием среды, а с менее очевидными психологическими факторами, сравнимыми, быть может, с теми, которые влияют на диффузию элементов культуры. Фонетические системы таких языков, как тлингит, хайда, цимшиан, квакиутль и салишские, похожи не потому, что их носители живут в одинаковых условиях среды, а потому, что они проживают на географически смежных территориях и поэтому могут оказывать друг на друга психологическое влияние.

Оставляя подобные общие рассуждения об отсутствии непосредственной связи между физической средой и фонетической системой в целом, укажем на некоторые поразительные случаи, с одной стороны, фонетического сходства между языками, на которых говорят в совершенно различных условиях и которые принадлежат к абсолютно разным культурным образованиям, а с другой стороны – на не менее удивительные примеры фонетических различий между языками, на которых говорят на смежных территориях при одинаковых или очень сходных условиях и при одном и том же типе культуры.

Примеры эти служат подтверждению высказанной ранее мысли. Использование тонального акцента как средства различения слов свойственно китайскому и соседствующим с ним языкам Юго-Восточной Азии, эве и другим языкам западной Африки, готтентотскому языку в южной Африке, шведскому, языку тева в Нью-Мексико и языку такелма на юго-западе Орегона. В этом случае мы имеем дело с практически полным диапазоном всевозможных условий среды обитания и культуры. Назализованные гласные имеют место не только во французском и португальском, но в таких языках, как эве, ирокезские и сиу. Согласные, которые принято обозначать термином

<fortis>*, распространены не только во многих языках Америки на

*Сепир здесь имеет в виду эйективные смычные согласные. - Прим. перев.

277

западе Скалистых гор, но и в сиу, а также в грузинском и других кавказских языках. Гортанная смычка как значимый элемент системы представлена не только во многих, пожалуй, даже в большинстве языков американских индейцев, но также и в датском и в латышском (одном из балтославянских языков на западе России). Такие своеобразные звуки, как арабские <хриплое> ha и <сжато-гортанное> 'ain обнаруживаются почти в

таком же виде в нутка. И так далее до бесконечности. С другой стороны, английский и французский языки с точки зрения обслуживаемых ими культур можно считать родственными, и в то же время они обнаруживают поразительные различия в своих фонетических системах. Возвращаясь к американским аборигенам, мы видим, что две столь близкие - с точки зрения культуры - группы племен, как ирокезы и восточные алгонкины, говорят на языках, абсолютно непохожих друг на друга ни в области фонетики, ни в морфологии. Индейцы юрок, карок и хула, живущие на крайне ограниченной территории северо-запада Калифорнии, образуют чрезвычайно тесное культурное единство; однако и здесь мы обнаруживаем, что различия между фонетическими системами их языков очень велики. И так далее до бесконечности. Повидимому, не остается ничего иного, кроме как постулировать полное отсутствие корреляции между физической или социальной средой и фонетической системой языка как в том, что касается ее общего акустического облика, так и в распределении отдельных фонетических единиц.

Можно предположить, что отсутствие корреляции между типом фонетической системы языка и его средой объясняется довольно случайным характером самой фонетической системы. Яснее говоря, фонетическая система развивается как бы механически, то есть вне всякой связи с сознательными действиями людей, поэтому трудно ожидать, что она тем или иным образом зависит от условий среды, а если все-таки подобное воздействие имеет место, то оно является очень отдаленным и опосредованным. Напротив, морфологическая система языка, по-видимому, тесно связана с набором понятий, который представляет собой ментальную основу жизнедеятельности определенной группы людей, поскольку именно в морфологии отражается тот специфический тип мышления, который характеризует носителей данного языка. А поскольку этот набор понятий, в свою очередь, предопределяется условиями физической и социальной среды, то разумно было бы постараться проследить соотношение между явлениями среды и грамматической структурой языка. В то же время отрицательные свидетельства в этом случае имеют ту же силу, что и в предыдущем рассуждении. Мы можем рассматривать содержательную сторону морфологии как состоящую из некоторых ментальных (психологических и логических) категорий, приобретающих грамматическое значение, и из формальных средств их выражения. Принципиальные различия между этими двумя группами морфологических явлений можно проиллюстрировать на примере того, что соседние языки могут влиять (или, во всяком случае, походить друг на друга) лишь в пределах

какой-нибудь одной группы явлений, никак не затрагивая в этом плане другую группу явлений. Так, редупликация как грамматическое средство широко распространена в языках американских индейцев, хотя выражаемые при этом значения могут быть в различных языках совершенно разными. Здесь мы имеем дело с широким распространением чисто формального приема. С другой стороны, значение предположительности, т.е. такого знания о событии, которое основывается скорее на умозаключении, чем на каком-то определенном источнике сообщения, тоже достаточно типично для языков американских индейцев, но средства его выражения в разных языках различны. Здесь мы имеем дело с широким распространением чисто понятийной категории, приобретшей грамматическое значение.

Если рассмотреть с этой точки зрения значительное число языков, то можно найти немало примеров удивительного сходства или полного подобия как формальных морфологических средств, так и грамматических значений, хотя и создается впечатление, что прямых соответствий с условиями среды при этом не существует. Примеры первого рода - это чередования гласных в именных и глагольных основах индогерманских и семитских языков, а также языков такелма и яна; наличие инфиксации грамматических элементов внутри именной или глагольной основы в малайском, мон-кхмер и сиу. Следует заметить, что, несмотря на очень специфический характер указанных грамматических средств, распространены они в языках, существующих в абсолютно разных условиях среды. С другой стороны, показательным примером грамматически выражаемой мыслительной категории, известной своим неравномерным распространением и охватом языков, существующих в весьма разнообразных условиях, является категория грамматического рода, основывающаяся на противопоставлении полов. Такая категория имеется, например, в индогерманских и семитских языках; в готтентотском в Южной Африке; в языке чинук в нижнем течении реки Колумбии. Ярким примером является также наличие синтаксических падежей, главным образом, субъектного и объектного, в индогерманских и семитских языках и в юте, а также противопоставление инклюзива и эксклюзива в первом лице множественного и двойственного числа в готтентотском, ирокезском, в меланезийских языках и в языках квакиутль и шошонских.

Еще одним доказательством отсутствия обсуждаемой корреляции является тот факт, что соседние языки, на которых говорят люди, живущие в практически одинаковых условиях среды - как физической, так и социальной, - часто обнаруживают существенные грамматические различия. Достаточно будет привести лишь несколько примеров такого рода. Племена салиш и чинук, живущие в нижнем течении реки Колумбии и на западном

побережье штата Вашингтон, представляют собой культурное единство и находятся в практически одинаковых физических условиях, однако морфологические системы языков этих племен обнаруживают существенные расхождения. В салишских языках для выражения самых разных грамматических зна-

279

чений широко используется редупликация, в то время как в чину к это явление, хоть и представлено в ограниченной мере, но никаких грамматических значений не выражает. С другой стороны, выражение категории рода, базирующейся на противопоставлении полов, очень строго проводится в именной и глагольной системах чинук, а среди салишских языков только некоторые диалекты, распространенные на побережье, выражают родовые различия при помощи преноминальных артиклей, в то время, как во внутренних говорах категории рода нет совсем. Может быть, еще более удивительный случай абсолютного несходства морфологических систем в соседних языках, распространенных в пределах одного культурного ареала, представляют собой яна и майду, на которых говорят индейцы на севере центральной части Калифорнии. В майду мы находим большое количество грамматикализованных префиксов и редупликацию, которая используется для выражения некоторых грамматических значений. В яна нет ни префиксов, ни редупликации. С другой стороны, в майду совершенно отсутствуют такие характерные черты морфологии яна, как использование разных грамматических форм в речи мужчин и женщин и система из нескольких сотен грамматикализованных суффиксов (некоторые из которых имеют столь конкретное значение, что могут быть интерпретированы скорее как вторичные глагольные основы, чем как собственно суффиксы). Обращаясь к языкам Старого Света, находим, что венгерский сильно отличается от соседних индогерманских языков отсутствием категории рода и наличием гармонии гласных - свойства в первую очередь фонетического, но имеющего и существенное грамматическое значение.

В каком-то смысле отсутствие непосредственной связи между средой и особенностями фонетической или морфологической системы языка разочаровывает. Возможно ли в принципе, чтобы тот культурный комплекс, который выражается в содержательной стороне языка, не имел никакого отражения в его формальной организации? Если присмотреться внимательнее, то в ряде случаев кажется, что хотя бы некоторые следы такого отражения в грамматической форме все-таки обнаруживаются. В большей степени это верно для языков синтетического строя, оперирующих большим количеством префиксов и суффиксов с весьма конкретными значениями. Так, наличие в квакиутле и нутка суффиксов-локализаторов, конкретизирующих любое действие как происходящее на ровном берегу, в море или на скалах - при том, что большинству других языков такая

конкретизация вовсе не свойственна, - явным образом указывает на некоторые особенности среды обитания этих индейцев и их <хозяйственные> интересы.

Равным образом, если мы видим, что такие понятия, как покупка; устройство праздника, во время которого едят ту или иную пищу; поднесение потлача; требование определенного дара во время церемонии инициации девушки и т. п., в языке нутка выражаются специальными грамматическими суффиксами, то единственно верным может быть лишь вывод о том, что каждое из этих действий очень

280

типично для представителей данного племени и, следовательно, составляет важный элемент его культуры. Этот тип корреляции можно проиллюстрировать и на примере наличия разных сериальных форм числительных для разных классов объектов в квакиутль, нутка и салишских языках, а в наибольшей степени в языке цимшиан. Данная грамматическая особенность предполагает разные способы счета и, видимо, связана с понятием собственности, которое, как мы знаем, чрезвычайно развито у индейцев западного побережья. Используя эти достаточно очевидные случаи как образец, кто-нибудь может предположить, будто есть основания любой факт грамматики интерпретировать с точки зрения отражаемого им явления культурной или физической среды, например, что можно поставить наличие/отсутствие в языке грамматической категории рода в зависимость от положения женщины в данном обществе. Думается, что этого гипотетического примера достаточно, чтобы продемонстрировать, к какому полету фантазии может привести подобный способ аргументации. Если же мы предпримем еще более тщательный анализ случаев, которые вроде бы свидетельствуют о наличии корреляции между средой и грамматикой, то вскоре убедимся, что в этой корреляции участвуют не сами по себе грамматические формы, а только значения, ими выражаемые, то есть, и здесь мы в конечном счете имеем дело с уже знакомой нам корреляцией между средой и словарем. В случае с рассмотренными выше суффиксами языка нутка интерес с точки зрения морфологии представляет лишь тот факт, что в этом языке некоторые элементы, используемые для вербализации существительных, суффиксально присоединяются к именной основе. Этот психологический факт никак не может быть поставлен в зависимость от какого бы то ни было известного нам явления культуры или физической среды. Характерный способ, при помощи которого осуществляется в языке вербализация существительных, как и степень конкретности значения, передаваемого этими суффиксами, представляют для лингвиста сравнительно небольшой интерес.

Таким образом, мы, пусть и неохотно, но все-таки вынуждены допустить, что, кроме отражения реалий среды в словаре, в самом языке не существует ничего такого, что

можно было бы поставить в зависимость от этих реалий. Но в таком случае возникает вопрос о том, с чем же связано столь огромное разнообразие фонетических систем и типов языковой морфологии в разных языках. Быть может, решению проблемы о соотношении между культурой и средой (в широком смысле), с одной стороны, и языком, с другой, может способствовать просто предположение о разной скорости изменения или развития этих систем. Языковые свойства, безусловно, в значительно меньшей степени могут быть осознаны говорящим, нежели элементы культуры. Не претендуя здесь на анализ психологических различий между двумя этими типами явлений, отмечу, что, по-видимому, изменения в области культуры, по крайней мере в какой-то степени, являются результатом осознаваемых процессов (или таких процессов,

281

осознать которые не составляет труда), в то время как языковые изменения могут быть объяснены (если они вообще объяснимы) как результат гораздо более тонких психологических процессов, не контролируемых сознанием или волей. Если это так - а есть все основания так считать, - то мы должны признать, что изменения в сфере культуры не параллельны языковым изменениям и, следовательно, они не находятся в причинно-следственных отношениях друг с другом. Такая точка зрения делает оправданным предположение о существовании в прошлом такой, довольно примитивной, стадии развития, когда связь между средой и языковой формой была более определенной, нежели сейчас, поскольку различия в темпе и характере изменений в области языка и культуры, обусловленные самой природой этих явлений, в течение долгого времени расшатывали и в итоге почти полностью разрушили эту связь.

Теперь мы можем представить себе, пусть и довольно схематично, процесс развития языка и культуры в следующем виде. Поведение людей в примитивной группе с едва еще различимыми зачатками языка и культуры предопределялось, по-видимому, в достаточно значительной степени групповой психологией, обуславливавшейся частично племенным сознанием, частично физической средой. На основе тех или иных тенденций в этой групповой психологии и подвергались медленным изменениям язык и культура. А раз и язык, и культура непосредственно предопределяются прежде всего фундаментальными факторами племенного сознания и физической среды, то развитие их происходило в известной степени параллельно, то есть явления культурной деятельности получали свое отражение в грамматической системе языка. Иными словами, дело не только в том, что слова служили символами для отдельных элементов культуры - что верно в отношении языка на любой из стадий развития общества, но и в том, что, как мы можем предположить, грамматические категории и процессы сами по себе тоже отражали

соответствующие (значимые с точки зрения культуры) типы мысли и деятельности. Таким образом, до некоторой степени верным является представление о том, что на протяжении значительного временного отрезка язык и культура находились в состоянии прямой взаимосвязи и взаимодействия. Но такое состояние не может продолжаться до бесконечности. Вследствие постепенного изменения групповой психологии и физической среды более или менее глубоким изменениям начинают подвергаться формы и содержание как культуры, так и языка. Впрочем, ни язык, ни культура прямым отражением групповой психологии и физических условий, конечно же, не являются; само их существование и преемственность зависят от силы традиций. Поэтому, несмотря на то что обе эти формы цивилизации с течением времени изменяются, существует и консервативная тенденция, сдерживающая такие изменения. Здесь мы наконец подходим к самой сути занимающей нас проблемы.

Элементы культуры в силу того, что они служат более непосредственным нуждам общества и легче осознаются людьми, не только из-

282

меняются быстрее, чем элементы языковой системы, но и сама форма организации культуры, определяющая относительную значимость того или иного ее элемента, постоянно видоизменяется. Элементы языковой системы хоть и могут претерпевать определенные изменения, но изменения эти не ведут к полной перестройке всей системы вследствие подсознательного характера грамматической классификации. Сама по себе грамматическая система склонна оставаться неизменной.

Иначе говоря, консервативная тенденция, сдерживающая чрезмерно быстрое развитие, гораздо отчетливее проявляется в отношении формальной основы языка, чем в отношении культуры. Из этого с необходимостью следует, что формы языка с течением времени перестают выполнять функцию символов для соответствующих форм культуры, в этом и заключается основная мысль данной статьи. Другое следствие состоит в том, что формы языка более адекватно отражают состояние прошлых стадий культуры, нежели ее современное состояние. Я не утверждаю тем самым, что на определенном этапе развития язык и культура оказываются совершенно не связанными друг с другом, просто скорости их изменения различаются столь значительно, что обнаружить эту взаимозависимость становится почти невозможно.

Хотя формы языка не могут изменяться так же быстро, как соответствующие формы культуры, почти не вызывает сомнения тот факт, что резкое изменение культурной организации общества сопровождается ускорением языкового развития. Если же довести эту мысль до логического завершения, то мы вынуждены будем признать, что быстрое

усложнение культуры с необходимостью ведет к соответствующим, хотя и не столь быстрым, изменениям языковой формы и содержания. Это положение полностью противоречит общепринятому мнению о том, что языку цивилизованных обществ консерватизм свойствен в большей степени, нежели языку народов примитивных.

Конечно, тенденция ускорения языковых изменений с возрастанием степени сложности культуры может сдерживаться одним из важнейших элементов любой достаточно развитой культуры, а именно использованием вторичного набора языковых символов, несомненно более консервативного, нежели первичная звуковая система символов, и оказывающего на нее консервативное влияние. Я имею здесь в виду письмо. И все же мне кажется, что в том очевидном парадоксе, к которому мы пришли, содержится значительная доля истины. Я не склонен считать случайностью тот факт, что быстрое развитие культуры в Западной Европе на протяжении последних 2000 лет сопровождалось языковыми изменениями, которые представляются необыкновенно быстрыми. И хотя привести строгие доказательства моей точки зрения невозможно, я все же сомневаюсь в том, что многие языки примитивных народов претерпели в соответствующий период времени столь же существенные изменения.

У нас нет времени подробнее обсуждать гипотезу, объясняющую, почему не удастся обнаружить причинно-следственных отношений

283

между языком и средой; быть может, метафора позволит уловить ее суть. Два человека отправляются в путь с условием, что каждый идет сам по себе, не помогая другому и опираясь только на свои собственные силы, лишь общее направление их движения должно совпадать. Долгое время эти люди, еще не очень уставшие, будут держаться вместе. Однако с течением времени проявятся такие факторы, как физическая сила, выносливость, умение ориентироваться и так далее. Реально пройденный каждым из них путь будет все больше и больше отклоняться от того, который прошел другой, или того, который был первоначально запланирован; сами путники будут все дальше отдаляться друг от друга. Так же и в истории: явления, которые когда-то находились в причинно-следственных отношениях, с течением времени расходятся все дальше и дальше.